НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Олег Романько

БЕЛОРУССКИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ

СОТРУДНИЧЕСТВО С ОККУПАНТАМИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

1941—1945

На линии фронта. Правда о войне

Олег Романько

Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945

«Центрполиграф»
2013

Романько О. В.

Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945 / О. В. Романько — «Центрполиграф», 2013 — (На линии фронта. Правда о войне)

Являлась ли Белоруссия «партизанской республикой», или это была территория, где полыхала гражданская война? В своей монографии доктор исторических наук О.В. Романько попытался ответить на этот вопрос, проанализировав проблемы истории белорусского военного коллаборационизма в годы Второй мировой войны. На основе обширного документального материала из архивов России, Украины, Белоруссии, Германии и Польши автор рассмотрел военное сотрудничество советских граждан с нацистской Германией, выделил его характерные черты, определил причины и условия, которые способствовали созданию белорусских коллаборационистских формирований. Впервые в отечественной историографии исследовано белорусское национальное движение и его роль в сотрудничестве местного населения с германским военно-политическим руководством. Особое место в книге занимает анализ особенностей организации, боевой подготовки и применения белорусских подразделений вермахта, полиции и войск СС. Наконец, автор показал, какой вклад, в количественном и в качественном отношении, белорусские коллаборационисты внесли в военные усилия нацистской Германии.

© Романько О. В., 2013
© Центрполиграф, 2013

Содержание

Введение 6
Глава 1 9
Глава 2 19
Белоруссия в геополитических планах нацистского руководства 19
Белорусское национальное движение: от возникновения до начала Второй мировой войны 25
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Олег Романько
Белорусские коллаборационисты
Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии 1941 – 1945

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Введение

… Я клянусь, что скорее отдам свою жизнь, чем допущу, чтобы моя жена и дети, родители и сестры и весь белорусский народ снова терпели большевистские издевательства и неволю…
Из присяги солдат Белорусской краевой обороны

В советской литературе, посвященной Великой Отечественной войне, за Белоруссией прочно закрепилось название «партизанская республика». В этом названии отразилось все: и прекрасные условия для малой войны, и количество партизанских отрядов, и героизм народных мстителей в их борьбе против немецких оккупантов. Давая Белоруссии такое название, историки и публицисты как бы подразумевали, что все, без исключения, население этой республики либо было партизанами, либо сочувствовало им. Во многом оно так и было. Но, и это сейчас уже не является секретом, были и те, кто вполне искренне мог идти на сотрудничество с врагом во имя каких-то своих целей.

Сейчас историки определяют деятельность этих лиц однозначно – коллаборационизм. Однако эту проблему нельзя рассматривать только с чисто академической точки зрения. Многие общественно-политические «вызовы» современности, на которые вынуждено «отвечать» все наше постсоветское общество, уходят своими корнями именно в годы Второй мировой войны и связаны именно с проблемой коллаборационизма. Более того, эти «вызовы» не просто связаны с ней, а являются прямым следствием тех неоднозначных и трагических событий, когда более миллиона советских граждан разных национальностей встали в ряды германской армии и сражались против своих соотечественников до самых последних залпов войны.

Советские исследователи и публицисты трактовали выбор коллаборационистов однозначно отрицательно. Такая позиция не давала возможности даже приблизиться к объективному пониманию данной проблемы. Тем не менее на то были свои причины. Как сейчас известно, большинство коллаборационистских проявлений имели в своей основе национализм и антикоммунизм. И это – другая сторона проблемы сотрудничества советских граждан с военно-политическими структурами Третьего рейха. Кто-то делал это исходя из социальных мотивов, а кто-то – руководствуясь установками своей идеологии.

Сейчас трудно сказать, что в тех условиях было лучше: замалчивать или всесторонне обсуждать эту болезненную тему. Фактом остается только то, что в непростых социально-политических условиях, сложившихся после распада СССР, национальная подоплека коллаборационизма проявилась полностью. Во многом это было связано с национальным возрождением в бывших советских республиках. Зачастую этот процесс сводился к пересадке на постсоветскую почву тех идей, которые идеологические предшественники нынешнего поколения националистов выработали до Второй мировой войны, а уже развили и попытались реализовать при содействии нацистов. Так, например, произошло во всех странах Балтии. В Белоруссии также пытались предпринять нечто подобное, однако после прихода к власти президента Александра Лукашенко этот вопрос закрыли.

В связи с этим следует подчеркнуть, что всестороннее изучение истории белорусских коллаборационистских формирований, научный, а не идеологический подход к ней не носят исключительно белорусский характер. В целом это – часть проблемы военного коллаборационизма советских граждан в годы Второй мировой войны. И она, наряду со своими нюансами, имеет много общего с подобными явлениями в других советских республиках и среди других наций и народностей СССР. Поэтому научно-практическая и общественно-политическая актуальность этих, казалось, давно минувших событий не вызывает сомнений.

Таким образом, в центре внимания монографии – белорусский военный коллаборационизм и его использование во внешней, оккупационной и национальной политике нацистской Германии в годы Второй мировой войны. В связи с этим автор поставил перед собой следующую цель: изучить полную картину военного сотрудничества белорусского национального движения с военно-политическим руководством нацистской Германии. Однако, чтобы выяснить степень и результативность этого сотрудничества, необходимо проанализировать ряд моментов, которые являются ключевыми для данной проблемы. А именно:

• особенности военного коллаборационизма советских граждан в годы Второй мировой войны, его характерные черты;

• сравнительная численность личного состава белорусских коллаборационистских формирований, как внутри этой категории, так и в отношении численности личного состава иностранных добровольческих формирований и германских вооруженных сил;

• военно-политические причины и условия, которые способствовали созданию в системе иностранных добровольческих формирований такой категории, как белорусские коллаборационистские формирования;

• межнациональные отношения на территории Белоруссии и их влияние на проблему коллаборационизма;

• роль белорусского национального движения в процессе создания и использования белорусских коллаборационистских формирований;

• особенности организации, подготовки и боевого применения белорусских коллаборационистских формирований и те принципы, которые были положены в их основу.

Нельзя, конечно, сказать, что эта проблема была «обойдена вниманием» исследователей и не нашла своего отражения в историографии Второй мировой войны. И хотя интерес к ней значительно уступает интересу, например, к русскому или украинскому коллаборационизму, вопросы, связанные с его белорусской разновидностью, затрагивали в своих работах и советские, и зарубежные, и эмигрантские авторы. Однако, пытаясь, в меру своих возможностей и взглядов, быть объективными, все они не смогли избежать одной и той же тенденции: либо принизить роль белорусских коллаборационистов, низведя их до уровня обычных предателей, либо поднять эту роль до таких высот, какой она не мыслилась даже этим коллаборационистам. Как обычно, истина лежит где-то посередине.

Разумеется, ни автор, ни его исследование не претендуют на эту истину. Как ни парадоксально прозвучит, но, даже опираясь на самые редчайшие и достоверные документы, трудно быть объективистом. «Чем же тогда является эта книга?» – спросит читатель. Скорее это своего рода приглашение к дальнейшему конструктивному обсуждению поставленных вопросов, к дискуссии, какой бы острой она ни была. Тем не менее хочется надеяться, что эта книга станет еще одним, пусть небольшим, но шагом к пониманию такой болезненной, сложной и многогранной проблемы, какой и по сей день еще является проблема коллаборационизма.

Автор выражает глубокую признательность всем тем, кто любезно согласился предоставить свои материалы и помощь для подготовки данной работы. Прежде всего, хотелось бы поблагодарить Антонио Муньоса (Нью-Йорк, США), без всесторонней поддержки которого этот проект был бы вряд ли осуществлен. Кроме него большая помощь была оказана со стороны следующих лиц: Йохен Белер (Йена, Германия), Карел Беркхофф (Амстердам, Нидерланды), Дариюш Вежхось (Варшава, Польша), Виктор Деннингхауз (Москва, Российская Федерация), Самуэль Митчем (Монро, Луизиана, США), Дитмар Нойтатц (Фрайбург, Германия), Джордж Нэйфзигер (Уэст-Честер, Огайо, США) и, к сожалению, уже покойный доктор Иоахим Хоффманн (Эбринген, Германия).

Отдельную большую благодарность автор выражает всем сотрудникам Государственного архива Автономной Республики Крым (Симферополь, Украина), Национального архива Рес-

публики Беларусь (Минск, Беларусь), Белорусского государственного архива кино-, фото– и фонодокументов (Дзержинск, Беларусь), Федерального военного архива ФРГ (Фрайбург, Германия), Российского государственного архива социально-политической истории (Москва, Российская Федерация) и Архива новой истории Польши (Варшава, Польша), которые оказали неоценимую помощь в подборе документов и материалов для этой книги.

Глава 1
«Восточные» добровольческие формирования в годы Второй мировой войны

Важной составляющей немецкой оккупационной и национальной политики являлось привлечение населения захваченных советских территорий к сотрудничеству. Поэтому имеет смысл сказать несколько слов о проблеме коллаборационизма.

В советской исторической литературе всех, кто сотрудничал с военно-политическими структурами нацистской Германии, было принято изображать только с негативной стороны и одновременно крайне упрощенно. Это, естественно, не способствовало пониманию такого общественно-политического явления, каким был коллаборационизм. В реальности это явление было намного сложнее и на всем протяжении своего существования зависело от целого ряда факторов, которые оказывали на него то или иное влияние.

На наш взгляд, к понятию «коллаборационизм» подходит следующее определение: это добровольное сотрудничество с нацистским военно-политическим руководством на территории Германии или оккупированных ею стран с целью установления или укрепления нового административно-политического режима. Исходя из сфер такого сотрудничества принято выделять политическую, административную, военную, экономическую, культурную и бытовую разновидности коллаборационизма. А к наиболее активным относить три первые разновидности. Таким образом, административный коллаборационизм – это работа в органах местного «самоуправления», организованных при поддержке оккупантов. Политический коллаборационизм – участие в деятельности всевозможных «правительств», «советов» и «комитетов», созданных с целью получения власти и влияния на политику оккупантов. Наконец, военный коллаборационизм – это служба в силовых структурах нацистской Германии (вермахт, войска СС и полиция)[1].

Другой крайностью, свойственной, например, западной историографии, является попытка поставить советский коллаборационизм в один ряд с похожими явлениями, которые имели место в оккупированной нацистами Европе[2]. Действительно, между ними есть много схожего. Тем не менее, и это следует подчеркнуть, советский коллаборационизм был, по сути, продолжением событий Гражданской войны 1918 – 1920 годов, а его предпосылками послужили особенности общественно-политического развития предвоенного СССР. Среди них, прежде всего, следует назвать репрессии, коллективизацию, религиозные притеснения и т. п.

К предпосылкам, повлиявшим на появление коллаборационизма, также следует отнести и такие, которые имели более глубокий характер и складывались на протяжении более длительного исторического периода. Среди них наиболее существенными являлись национальные противоречия. В годы революции и Гражданской войны произошло их значительное обострение, выведшее национальный вопрос из культурной сферы в сферу политическую. Поэтому за двадцать послереволюционных лет национальные противоречия могли быть только внешне урегулированы советской властью и имели значительный конфликтогенный характер.

---

[1] *Романько О.В.* ОУН і УПА в Другій світовій: боротьба за національне визволення чи громадянське протистояння // Історичний журнал. 2007. № 3. С. 3 – 4. Общую таблицу численности иностранных добровольцев в германских вооруженных силах за период с 1940 по 1945 год см.: Приложения (табл. А.5).

[2] *Neulen H.-W.* An Deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. München, 1985. S. 39 – 49; Seidler F.W. Die Kollaboration: 1939 – 1945. München, 1995. S. 8 – 42.

К началу 1940-х годов эти предпосылки привели к тому, что в определенной части советского общества оформились стойкие протестные настроения, вылившиеся в ряде случаев в повстанческое движение[3].

Все перечисленное можно назвать внутренними предпосылками. Однако были еще внешние факторы, которые также сыграли свою роль. К таким факторам можно отнести немецкие геополитические планы по поводу Советского Союза, деятельность антисоветской эмиграции и ее место в рамках этих планов. После начала Великой Отечественной войны к ним прибавилось еще два существенных фактора: особенности немецкого оккупационного режима в том или ином регионе СССР и положение на фронтах[4].

Причины, приведшие к созданию коллаборационистских формирований, были двух типов. Условно их можно назвать «немецкими» и «национальными», то есть такими, которыми руководствовались, соответственно, представители немецкого руководства и представители тех или иных национальных движений. Привлекая добровольцев из числа населения оккупированных советских территорий, немецкое военно-политическое руководство, во-первых, рассчитывало пополнить людские ресурсы, в использовании которых к зиме 1941 года наметился явный кризис. Во-вторых, оно планировало создать эффективные силы для борьбы с набирающим мощь партизанским движением. Причем следует отметить, что, наряду с чисто военным вопросом, здесь имелся и определенный пропагандистский эффект – заставить партизан сражаться с их соотечественниками. В-третьих, на определенном этапе привлечение добровольцев стало символизировать начало «новой» немецкой политики. Известно, что перед наступлением на Кавказ были созданы многочисленные формирования из числа представителей населявших его народов. Наконец, в-четвертых, создание коллаборационистских формирований по национальному признаку было действенным инструментом национальной политики нацистов[5].

Таким образом, немецкая сторона была явным инициатором этого процесса. Однако роль второго типа причин также нельзя недооценивать. В ряде случаев представителям национальных движений принадлежала не менее активная роль. Как правило, определяющими в данном случае были следующие мотивы: коллаборационистские формирования как инструмент давления на немцев, как средство борьбы против своих идеологических противников и, на заключительном этапе войны, как предмет торга с западными союзниками[6].

Следует подчеркнуть, что среди германского военно-политического руководства не было единого мнения относительно советского коллаборационизма. По сути, дискуссии шли до самого конца войны. В целом немецкую политику по привлечению к сотрудничеству населения оккупированных советских территорий можно условно разделить на три этапа. Проводя оккупационную политику на первом из них (июнь 1941 – декабрь 1942 г.), немцы в качестве основного ее метода использовали террор и принуждение: пока вермахт одерживал на фронтах победы, а в тылу еще не развернулось мощное партизанское движение, союзники среди местного населения Гитлеру нужны не были. «Даже если в конкретных обстоятельствах окажется проще обратиться за военной помощью к каким-нибудь завоеванным народам, – заявил он на одном из совещаний, – это будет ошибкой. Рано или поздно они обратят оружие против нас…»[7]

---

[3] *Попов А.Ю.* 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002. С. 99 – 118.

[4] *Романько О.В.* Проблема военного коллаборационизма советских граждан в годы Второй мировой войны // Military Крым. Симферополь, 2009. № 13. С. 28.

[5] *Bräutigam O.* Überblick über die besetzen Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. Tübingen: Institut für Besatzungsfragen, 1954. S. 84 – 90; *Simon G.* Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion: von der totalitären Diktatur zur nachstalinschen Gesellschaft. Baden-Baden, 1986. S. 217 – 228.

[6] *Романько О.В.* Проблема военного коллаборационизма советских граждан… С. 28.

[7] Цит. по: *Бетелл Н.* Последняя тайна. М., 1992. С. 85.

Поэтому привлечение населения к сотрудничеству было ограничено в целом следующими моментами: разрешением на очень урезанное самоуправление и культурную деятельность; созданием разведывательно-диверсионных подразделений, использованием «добровольных помощников» при армейских частях или набором контингента в части вспомогательной полиции; и некоторыми послаблениями в сфере землепользования [8].

Точка зрения Гитлера была доминирующей и отражала реальные воззрения большинства членов нацистской партии на проведение «восточной» политики[9]. С ней, разумеется, соглашались почти все, во всяком случае внешне. Например, самыми последовательными сторонниками гитлеровской версии политики были М. Борман, Г. Геринг, рейхскомиссар «Украины» Э. Кох и, до определенного момента, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер[10]. Однако, несмотря на всю тоталитарность немецкой государственной машины, существовало как минимум еще четыре точки зрения, отличные от мнения Гитлера. В целом за основу был взят общий тезис: население оккупированных восточных областей надо активнее привлекать к сотрудничеству. Вся же разница этих точек зрения заключалась только в методах, средствах, масштабах предполагаемого использования.

Первую из них назвать политически или идеологически обоснованной позицией трудно. Эта точка зрения была вызвана к жизни сиюминутным стечением обстоятельств. Тем не менее не упомянуть ее нельзя, так как на низовом административном уровне роль свою она, безусловно, сыграла. Так, некоторые чиновники и офицеры военной оккупационной зоны полагали, что советские граждане станут лояльнее, если относиться к ним «по-джентльменски». Как правило, это были далекие от политики люди, убеждения которых базировались на опыте Первой мировой войны[11].

Следующая точка зрения на «восточную» политику получила в историографии наименование «утилитаризм». От первой позиции она отличалась уже тем, что ее носителем была вполне обособленная (хотя и далеко не единая) группа лиц (как убежденных гитлеровцев, так и не принадлежащих к нацистской партии), которая предполагала действовать по определенной программе. Как уже понятно из самого названия этой группы, идеологии и политики в ее действиях было чуть больше, чем у предыдущей. Главной же целью сторонников политики «утилитаризма» была максимальная польза, которую могла извлечь Германия из сотрудничества с местным населением. Интересно, что негласным лидером нацистского крыла «утилитаристов» являлся такой хитрый политик, как министр пропаганды и народного просвещения Третьего рейха доктор Й. Геббельс. В частности, он считал, что прежде всего надо усилить пропагандистскую обработку «восточных» народов, изъяв из нее все упоминания об их неполноценности, колониальном характере войны Германии против СССР и т. п. На место этих тезисов должны были быть поставлены туманные обещания свободы и независимости, но только в будущем, после окончания войны[12].

Такие, например, указания содержатся в одном из документов его министерства, озаглавленном «О пропагандистской обработке европейских народов» и разосланном 15 февраля 1943 года всем высшим функционерам нацистской партии и местным руководителям пропаганды. В нем, в частности, говорилось: «Нельзя называть восточные народы, ожидающие от

---

[8] *Dallin A.* German Rule in Russia 1941 – 1945: A Study of occupation policies. London: Macmillan, 1957. P. 538 – 542.

[9] *Ilnytzkyj R.* Deutschland und die Ukraine 1934 – 1945: Tatsachen europäischer Ostpolitik: ein Vorbericht: In 2 Bd. München, 1958. Bd. 1. S. 15 – 30.

[10] *Розенберг А.* Мемуары. Харьков, 2005. С. 356 – 358.

[11] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 1998. С. 206, 207.

[12] *Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Крах плана «Ольденбург» (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). М., 1980. С. 138 – 142.

нас освобождения, скотами, варварами и т. д. и в этом случае ждать от них заинтересованности в германской победе»[13].

«Утилитаризм» доктора Геббельса был больше связан с психологической войной и не шел дальше обычных пропагандистских лозунгов. Тем более было неясно, как скоро такая политика принесет желаемые плоды. Однако у этой группировки было еще одно крыло – военное, адепты которого обращали внимание исключительно на практическую сторону сотрудничества с населением оккупированных советских территорий и советскими гражданами вообще. Прежде всего ими были высшие офицеры вермахта, заинтересованные в как можно большей эффективности этого сотрудничества. Причем в кратчайшие сроки. Так, наиболее масштабной акцией данной группы лиц стало привлечение советских военнопленных в ряды так называемых «добровольных помощников», или «хиви», речь о которых пойдет ниже. Остается добавить, что наиболее выдающимся выразителем этой точки зрения являлся генерал-квартирмейстер Генштаба сухопутных войск генерал-майор Э. Вагнер[14].

И сторонники отношения к советскому населению «по-джентльменски», и «утилитаристы» сыграли, конечно, свою определенную роль в возникновении и развитии военного коллаборационизма. Однако их значение не стоит преувеличивать. Во-первых, обе эти позиции были всего лишь модификациями (пусть и несколько неожиданными) гитлеровской политики и поэтому уже *априори* не рассматривали «восточные» народы как равноправных партнеров. Во вторых, несмотря на то что носителями этих точек зрения были весьма влиятельные и близкие к Гитлеру люди, их идеи так и остались на периферии «восточной» политики. В лучшем случае они выступали продолжением или составной частью двух следующих позиций, борьба между которыми и являлась определяющим моментом в сотрудничестве германского руководства с советскими гражданами. Несколько слов о них было уже сказано выше. Здесь мы остановимся более подробно на характеристике этих позиций.

Носителями еще одной точки зрения были ряд офицеров вермахта среднего звена и немецкие политики и дипломаты «старой школы», которые считали, что «восточные» народы надо использовать самым активным образом, привлекая их как к военной, так и к политической борьбе против большевизма. Они также считали, что с гражданами оккупированных советских территорий надо обходиться по-человечески, но дать им какую-нибудь реальную перспективу надо уже сейчас. Следует сказать, что многие из этих офицеров оказались замешанными в неудавшемся заговоре против Гитлера (июль 1944 г.). Одним из проектов этой группы было так называемое власовское движение и Русская освободительная армия (РОА), в которых они видели не только инструменты в войне против СССР, но и будущих союзников ненацистской Германии[15].

Основным отличием этой группы от двух предыдущих было то, что особое внимание они уделяли национальному вопросу в «восточной» политике. Так, один из ее лидеров граф К. фон Штауффенберг считал, что прежде всего надо завоевать симпатии русского народа. Другие же народы СССР он считал полностью подчиненными русскому, а их национальные движения – слабыми и незначительными. По его мнению, они вряд ли могли бы стать серьезными союзниками Германии, а «все заигрывания с ними могли только помешать союзу с русским народом, который очень болезненно относится к территориальной целостности своего государства» [16].

Во многом благодаря усилиям этой группы, которая пользовалась определенной поддержкой в Верховном командовании вермахта (ОКВ), 6 июня 1941 года был составлен документ «Указания по применению пропаганды по варианту “Барбаросса”». Интересно, что в

---

[13] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941 – 1944). М., 1974. С. 377 – 380.

[14] *Fischer G.* Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. Cambridge, Mass., 1952. P. 14 – 15.

[15] *Steenberg S.* General Wlassow: der Führer der russischen Befreiungsarmee Verräter oder Patriot. Rastatt, 1986. S. 71 – 75.

[16] *Dallin A.* Op. cit. P. 502 – 503.

этом сугубо специальном документе, наряду с тем, что «противниками Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство», было подчеркнуто, что «пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение СССР на отдельные государства»[17].

Главный теоретик нацизма и эксперт по внешнеполитическим вопросам рейхслейтер А. Розенберг считал по-другому. Как и все предыдущие, он имел свою точку зрения на «восточную» политику. В принципе она не отличалась от мнения Гитлера, который был уверен, что восточные территории являются жизненным пространством германской нации. Поэтому перед ней стоит только три задачи: захватить, управлять и эксплуатировать их. Розенберг соглашался с этой генеральной линией, но считал, что достигнуть этой цели можно только при условии тесного сотрудничества с населением. В его взглядах причудливо переплетались тезисы предыдущих групп. Он также считал, что с местным населением надо обращаться «по-джентльменски», много ему обещать и привлекать его к активной политической и вооруженной борьбе. Однако главное отличие его точки зрения заключалось в том, что все эти блага должны были распространяться только на нерусские народы СССР (особенно на украинцев). То есть, в отличие от оппозиционно настроенных офицеров вермахта, он считал, что опираться надо именно на национальные движения, которые традиционно не любят русских и коммунистическую власть, как продолжение русского империализма. В теории все выглядело довольно привлекательно, так как выполнялась главная цель восточной политики – уничтожить СССР путем использования внутренних противоречий[18]. Однако главным недостатком Розенберга было то, что он не имел серьезного политического веса в глазах лидеров нацистской партии. Более того, его зачастую не слушали даже его подчиненные. И сторонников проведения своей точки зрения Розенберг имел значительно меньше, чем антигитлеровские оппозиционеры. Тем не менее его теории вполне успешно конкурировали с идеями фон Штауффенберга, поскольку даже среди противников Розенберга было достаточно русофобов[19].

После краха надежд на молниеносную войну ситуация изменилась коренным образом. Лидеры всех указанных группировок пришли к выводу, что необходимо предпринять какие-нибудь шаги для выработки общей концепции, хотя бы временной. 18 декабря 1942 года, накануне сталинградской катастрофы, в Берлине состоялась конференция представителей нацистского военно-политического руководства, отвечавших за проведение восточной политики. Основной темой конференции был вопрос о возможности более широкого привлечения советского населения к сотрудничеству с немцами. Целым рядом мер предполагалось обеспечить вермахт пополнением, увеличить отряды по борьбе с партизанами и решить вопрос с недостатком рабочей силы в самой Германии[20]. «Вывод, сделанный на конференции, – пишет английский историк А. Буллок, – был выражен двумя предложениями: сложность создавшегося положения делает настоятельным позитивное сотрудничество населения. Россия может быть сокрушена только русскими»[21]. В данном случае под русскими подразумевались все народы Советского Союза.

Исходя из этих установок нацисты были вынуждены провести некоторые «реформы» в своей оккупационной политике на территории СССР. В целом они были сведены к следующим моментам:

---

[17] *Нюрнбергский* процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. мат.: В 7 т. М., 1958. Т. 2. С. 573, 574.

[18] *Ilnytzkyj R.* Op. cit. S. 3 – 14.

[19] *Alexiev A.* Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941 – 1945. Santa Monica, 1982. P. 6.

[20] *Madajczyk Cz.* Faszyzm i okupacje 1938 – 1945. Wykonywanie okupacji przez panstwa Osi w Europe: U 2 t. Poznan, 1983 – 1984. T. 2. S. 34 – 40; *Mulligan T.* The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942 – 1943. New York, 1988. P. 47 – 56.

[21] *Буллок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. Смоленск, 1998. Т. 2. С. 368.

• населению оккупированных территорий давалась какая-нибудь «политическая цель» (иногда вплоть до обещания независимости) и делались определенные уступки в обращении с ним. Обычно эта цель заключалась в разрешении на ограниченное участие в решении управленческих и административных вопросов;

• политическим лидерам того или иного национального движения, которые считали себя союзниками Германии, обещалось создание собственных вооруженных сил. Сначала они должны были находиться под немецким контролем, а затем перейти под национальное командование;

• в качестве стимула при создании подобных вооруженных сил всем, кто соглашался вступить в них, гарантировались всевозможные льготы и привилегии экономического характера: начиная от денежного вознаграждения и заканчивая наделением земельными участками семей добровольцев[22].

Эти изменения начали активно внедряться с весны 1943 года. Правда, не все руководители немецкой оккупационной администрации восприняли их однозначно. Например, в Прибалтике и Белоруссии такая политика принесла определенные плоды. На Украине же ее полностью заблокировал рейхскомиссар Э. Кох[23].

Второй этап продолжался до лета 1944 года. Его основной рубеж – полное освобождение территории СССР от немецких оккупантов. Примерно с осени этого года начался новый этап во взаимоотношениях немецкого военно-политического руководства и коллаборационистов. Среди его характерных особенностей можно назвать следующие моменты. Во-первых, эти отношения приобрели еще более политический характер. То есть теперь, чтобы получить любых союзников, немцы были готовы признать лидеров национальных движений единственными и законными представителями их народов. Например, в марте 1945 года таковыми были признаны грузинское и крымско-татарское национальные движения[24].

Во-вторых, чтобы придать этим движениям больше политического веса, немцы пошли на создание национальных армий из разрозненных коллаборационистских формирований соответствующей национальности. В результате были «созданы» Туркестанская национальная армия, Кавказская освободительная армия и Украинская национальная армия. Слово «созданы» здесь намеренно взято в кавычки, так как все эти «армии» остались только на бумаге. Единственным исключением является Украинская национальная армия, которая за несколько дней до капитуляции Германии была передана под руководство Украинского национального комитета[25].

Наконец, в-третьих, если на предыдущих этапах конфликт между точками зрения на «восточную» политику не носил такой острый характер, то теперь он достиг своей кульминации. Представители «прорусской» концепции при активной поддержке рейхсфюрера СС Гиммлера предприняли попытку объединить все коллаборационистские организации под эгидой власовского движения, создав Комитет освобождения народов России (КОНР). А все коллаборационистские формирования должны были стать основой вооруженных сил этого комитета. Этой попытке категорически воспротивился Розенберг. А сотрудничавшие с ним лидеры национальных движений попросту отказались вести переговоры с генералом Власовым, на том

---

[22] Archiwum Akt Nowych (далее – AAN), Mikrofilmy aleksandrijskie. T-78. Fremde Heere Ost, roll 556, frames 536 – 552.

[23] *Reitlinger G.* Ein Haus auf Sand gebaut: Hitlers Gewaltpolitik in Russland, 1941 – 1944. Hamburg, 1962. S. 232 – 257.

[24] *Романько О.В.* Крымско-татарская эмиграция в годы Второй мировой войны и ее сотрудничество с военно-политическим руководством Третьего рейха // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали 2-ї Всеукраїнської наукової конференції. К., 2007. С. 109; Privatarchiv des Joachim Hoffmann (далее – PAJH), Reichsminister Rosenberg an Georgischen Verbindungsstab. 17.3.1945 // Intelligence Division. DRS (51)42. P. 1.

[25] *Гунчак Т.* У мундирах ворога // Військо України. 1993. № 9. С. 82 – 88; *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004. С. 79.

основании, что создание его комитета является очередным проявлением русского империализма[26].

На протяжении всей своей истории коллаборационистские формирования действовали в определенной среде и в определенных условиях, подвергаясь влиянию целого ряда факторов. В данном случае наиболее значительным следует признать влияние, которое исходило со стороны:

• немецких военно-политических органов разного уровня;

• коллаборационистских организаций той же национальной группы, представителями которой был укомплектован личный состав формирования;

• коллаборационистских организаций и добровольческих формирований представителей других национальных движений;

• партизанского и подпольного движения, которое действовало на данной территории;

• местного населения, проживавшего на данной территории.

Все эти факторы можно условно назвать внутренними. К внешним факторам следует отнести военную обстановку на том или ином участке Восточного фронта или на этом фронте в целом[27].

Что касается понятия «коллаборационистские формирования», то, на наш взгляд, наиболее точным является следующее определение. Это: формирования из иностранных граждан и военнослужащих, объединенных в рамках вермахта, войск СС и сил по охране правопорядка, либо в виде отдельных частей или подразделений, либо включенных туда в индивидуальном порядке.

Коллаборационистские формирования из числа советских граждан, несмотря на определенную уникальность, не были, как таковые, отдельной категорией германских вооруженных сил. Однако такая характеристика является несколько абстрактной и нуждается в дальнейшем разъяснении.

В нормативных документах германского военного командования и полицейского руководства по использованию «местных вспомогательных сил на Востоке» все контингент добровольцев из числа советских граждан строго различались. В целом выделялись следующие категории:

1. Формирования разведывательно-диверсионного назначения, созданные немецкими специальными службами.

2. Вспомогательные и специальные формирования: (а) «добровольные помощники», или «хиви» *(Hilfswillige / Hiwi);*

(б) формирования специального характера (строительные, инженерные, транспортные, хозяйственные и т. п.); (в) части и подразделения в составе германских вспомогательных формирований (Организация Тодта и т. п.).

3. Формирования полицейского характера: (а) формирования по поддержанию общественного порядка, созданные под эгидой военной оккупационной администрации; (б) формирования по поддержанию общественного порядка, созданные под эгидой полиции порядка или полиции безопасности;

(в) формирования в составе частей порядка вермахта (тайная полевая полиция, полевая жандармерия и т. п.).

4. Линейные (фронтовые) формирования: (а) формирования в составе вермахта; (б) формирования в составе войск СС[28].

---

[26] *Frölich S.* General Wlassow. Russen und Deutsche zwischen Hitler und Stalin. Köln, 1987. S. 202 – 206.

[27] *Das Deutsche* Reich und der Zweite Weltkrieg / Hrsg. vom MGFA: In 9 Bd. Stuttgart – München, 1979 – 2007. Bd. 9. Halbbd. 2. S. 906 – 976.

[28] Классификация проведена по: Archiv des Institut für Zeitgeschichte (далее – IfZ), Sammlung «Thorwald-Material», Köstring (Ernst, General der Kav. a.D.), Erfahrungen mit den Freiwilligen aus dem russischen Raum im Kampf mit den Bolschevismus 1941 –

Первые коллаборационистские формирования из представителей «восточных» народов были созданы при поддержке германских спецслужб (а именно военной разведки – абвера) накануне нападения на Советский Союз. Главная цель – диверсионно-разведывательные мероприятия в приграничных районах или ближнем тылу советских войск. Весной – летом 1941 года по такой схеме были организованы украинские батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», эстонский батальон «Эрна» и 1-й белорусский штурмовой взвод. Как правило, после выполнения своего задания эти части расформировывались, а их личный состав шел на комплектование полицейских или других подразделений. Необходимо отметить, что первые диверсионно-разведывательные формирования состояли, как правило, из эмигрантов или военнопленных Польской армии. Собственно советских граждан в них практически не было. Однако, после того как появилось значительное количество советских военнопленных и добровольцев с оккупированных территорий, эта диспропорция исчезла[29].

Следующий этап в создании таких частей относится к осени – весне 1941 – 1942 годов. Планируя наступление на Кавказ, немцы создали несколько подразделений, целью которых были диверсия, разведка, пропаганда и организация восстаний в тылу советских войск. Так были сформированы Туркестанский батальон и батальон (затем полк) «Бергманн», соответственно – из представителей народов Средней Азии и Кавказа. Эти части и подразделения создавались с целью их использования за линией фронта. Однако немецкими спецслужбами был организован еще целый ряд частей, целью которых были специальные операции против партизанского движения. Так, осенью 1942 года почти одновременно были созданы Специальный штаб «Россия» и 13-й белорусский полицейский батальон при СД, сыгравшие значительную роль в борьбе против партизан[30].

Наконец, на заключительном этапе войны абвер и СД приступили к созданию специальных частей, которые после заброски в советский тыл должны были организовать там партизанское движение. Наиболее характерным примером такого формирования является белорусский десантный батальон «Дальвиц». В силу своих функций эта категория добровольцев была самой малочисленной. За всю войну через ряды этих частей прошло не более 10 тысяч человек[31].

Что касается второй категории добровольцев, то это были лица, завербованные командованием немецких частей и соединений, стремившихся таким образом покрыть недостаток в живой силе. Первоначально они использовались в тыловых службах в качестве шоферов, конюхов, рабочих по кухне, разнорабочих, а в боевых подразделениях – в качестве подносчиков патронов и саперов. Со временем их стали использовать и в боевых операциях наравне с немецкими солдатами. Следует сказать, что численность «хиви» постоянно увеличивалась при фактическом уменьшении штатов немецкой пехотной дивизии. Так, штаты пехотной дивизии, установленные со 2 октября 1943 года, предусматривали наличие 2005 добровольцев на 10 708 человек немецкого персонала, что составляло около 16 процентов от ее общей численности. В танковых и моторизованных дивизиях численность «хиви» должна была составлять соответственно 970 и 776 человек, что тоже равнялось 16 процентам. Несколько позднее, чем в сухопутных силах, вспомогательные формирования появились в ВМФ, ВМС и других структурах вермахта[32]. В результате к концу войны эта категория «восточных» добровольцев насчитывала 665 – 675 тысяч человек и являлась самой многочисленной[33].

1945, 13.07.1954. S. 1 – 48; Sammlung des Militärgeschichtlichen Forschungsamt der Bundeswehr (далее – MGFA), Heygendorff, R. v., Oberst. Die landeseigenen Verbände im kampf gegen die S.U., Vortrag, 18.04.1943. S. 1 – 10.

[29] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941 – 1945. М., 2005. С. 121 – 132.

[30] *Романько О.В.* Советский легион Гитлера. Граждане СССР в вермахте и СС. М., 2006. С. 378 – 382.

[31] MGFA, Pozdnjakov V. German Counterintelligence Activities in Occupied Russia (1941 – 1944). Historical Division, U.S. Army Europe, 1953, Ms. Nr. P-122. P. 168 – 187.

[32] AAN, Mikrofilmy aleksandrijskie. T-78. Fremde Heere Ost, roll 417, frames 6386595, 6386598; *Seidler F. W.* Die Organisation Todt: Bauen für Staat und Wehrmacht, 1938 – 1945. Koblenz, 1987. S. 133 – 136.

Появление третьей категории добровольческих формирований – попытка оккупационных властей решить проблему отсутствия достаточного количества охранных частей. То есть подразделения вспомогательной полиции создавались в целях поддержания общественного порядка на оккупированных территориях и для борьбы с партизанским движением. Первой начала создаваться вспомогательная полиция в зоне ответственности военной администрации. Главной особенностью этой полиции было то, что ее подразделения были абсолютно не унифицированными во всех смыслах и создавались без всякой системы. И хотя в тыловых районах групп армий «Север», «Центр» и «Юг» ее формирования назывались соответственно «местные боевые соединения» (*Einwohnerkampfvebände*), «служба порядка» (*Ordnungsdienst*) и «вспомогательные охранные части» (*Hilfswachmannschaften*), на местах все зависело от вкуса начальника немецкой администрации или фантазии руководителя самоуправления, при котором они создавались. Так, на территории Белоруссии и Западной России эта полиция могла называться: «местная милиция» (*Ortsmilitz*), «служба порядка» (*Ordnungsdienst*), «гражданское ополчение» (*Bürgerwehr*), «местное ополчение» (*Heimwehr*) или «самооборона» (*Selbstschutz*)[34].

6 ноября 1941 года рейхсфюрер СС Гиммлер издал приказ, согласно которому все «местные полицейские вспомогательные силы», действовавшие на территории, перешедшей под юрисдикцию гражданской оккупационной администрации, были реорганизованы в части «вспомогательной полиции порядка» (*Schutzmannschaft der Ordnungspolizei* или *«Schuma»*)[35]. Функции новой полиции ничем не отличались от функций формирований, созданных для охраны тыла армий или групп армий. Единственным отличием в данном случае было то, что они подчинялись не военным, а полицейским властям (зачастую происходило обычное переподчинение частей «милиции», «самообороны» или «ополчения» от местного армейского коменданта местному полицейскому чиновнику – соответствующему фюреру СС и полиции). В зависимости от их назначения, принято выделять следующие категории «вспомогательной полиции порядка»:

• полиция индивидуальной службы в городах и сельской местности (*Schutzmannschaft-Einzeldienst*);

• батальоны «вспомогательной полиции порядка» (*Schutzmannschaft-Bataillone*);

• вспомогательная пожарная полиция (*Feuerschutzmannschaft*);

• вспомогательная охранная полиция (*Hilfsschutz mannschaft*).

Всего же к концу войны эта категория «восточных» добровольцев насчитывала 390 – 400 тысяч человек[36].

Последней категорией «восточных» коллаборационистских формирований являлись их боевые части. Это были либо отдельные соединения (дивизии и корпуса, что было крайне редко), либо полки и подразделения (батальоны и роты) в составе вермахта и войск СС. Они создавались с целью их применения на фронте, однако зачастую могли использоваться и как формирования предыдущих категорий, главным образом в качестве охранных частей. Наиболее значительными из них следует признать Вооруженные силы КОНР, 15-й Казачий кавалерийский корпус, 162-ю Тюркскую пехотную дивизию, а также шесть национальных дивизий войск СС. К концу войны в них проходило службу 470 – 475 тысяч «восточных» добровольцев[37].

---

[33] AAN, Mikrofilmy aleksandrijskie. T-78. Fremde Heere Ost, roll 501, frames 6489700 – 6489707.

[34] Bundesarchiv-Militärarchiv (далее – BA-MA), RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/215, bl. 63 – 68.

[35] AAN, Mikrofilmy aleksandrijskie. T-175. Reichsführer SS und Chef der Deutsche Polizei, roll 233, frame 2721867.

[36] *Thomas N.* Partisan Warfare 1941 – 1945. London, 1996. P. 14.

[37] *Neulen H.-W.* Op. cit. S. 342.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что в течение Второй мировой войны в германских силовых структурах прошло службу от 1,3 до 1,5 млн советских граждан разных национальностей – большинство добровольно, остальные же – в результате призывных кампаний различной степени интенсивности (см. табл.)[38]. Такое количество добровольцев, несомненно, следует признать значительным вкладом коллаборационистов из числа народов СССР в военные усилия нацистской Германии.

Категории добровольцев	Вермахт и силы охраны правопорядка	Войска СС	Всего
Русские	ок. 289,5 тыс.	ок. 20,5 тыс.	ок. 310 тыс.
Украинцы	ок. 224 тыс.	ок. 26 тыс.	ок. 250 тыс.
Белорусы	ок. 7 тыс.	ок. 12 тыс.	ок. 19 тыс.*
Казаки	ок. 20 тыс.	ок. 50 тыс.	ок. 70 тыс.
Литовцы	ок. 36,8 тыс.	—	ок. 36,8 тыс.
Латыши	ок. 49 тыс.	ок. 39 тыс.	ок. 88 тыс.
Эстонцы	ок. 49 тыс.	ок. 20 тыс.	ок. 69 тыс.
«Туркестанцы»	ок. 178 тыс.	ок. 2 тыс.	ок. 180 тыс.
Северокавказцы	ок. 27,4—29,4 тыс.	ок. 0,6 тыс.	ок. 28—30 тыс.
Грузины	ок. 19,6 тыс.	ок. 0,4 тыс.	ок. 20 тыс.
Армяне	ок. 17,6 тыс.	ок. 0,4 тыс.	ок. 18 тыс.
Азербайджанцы	ок. 24—34 тыс.	ок. 1 тыс.	ок. 25—35 тыс.
Поволжские татары	ок. 38 тыс.	ок. 2 тыс.	ок. 40 тыс.
Крымские татары	ок. 12,6—17,6 тыс.	ок. 2,4 тыс.	ок. 15—20 тыс.
Калмыки	ок. 5 тыс.	—	ок. 5 тыс.
Всего	ок. 997,5 тыс.—1,01 млн	ок. 176,3 тыс.	ок. 1,17—1,18 млн**

Примечания:

* Данные о численности белорусских добровольцев в составе германских силовых структур даны без учета личного состава Белорусской краевой обороны (более 30 тыс. человек).

** Приведенные общие цифры касаются только тех добровольцев из числа граждан СССР, наличие которых подтверждается документальными источниками. Однако, кроме этих добровольцев, набранных централизованно, было еще около 200 – 300 тыс. человек, которые в индивидуальном порядке или небольшими группами входили в состав немецких частей и соединений. Если же учитывать и этих добровольцев, то как раз и получится цифра в 1,3 – 1,5 млн граждан СССР, проходивших службу в составе германских силовых структур.

[38] AAN, Mikrofilmy aleksandrijskie. T-175. Reichsführer SS und Chef der Deutsche Polizei, roll 19, frames 2524101 – 2524103.

Глава 2
Причины создания белорусских коллаборационистских формирований

Белоруссия в геополитических планах нацистского руководства

Изменение политического статуса советских республик являлось основной целью войны Германии против СССР. В том, что этот статус будет изменен, не сомневался ни один из лидеров Третьего рейха. Однако на практике будущее устройство гражданского управления на оккупированных территориях Советского Союза вызывало наибольшее количество споров среди нацистского военно-политического руководства. Если военное управление могло носить только временный характер, а аппарат СС в принципе не имел права вмешиваться в вопросы администрирования, ограничиваясь выполнением исключительно полицейских функций, гражданская администрация, напротив, должна была стать переходной формой на пути к будущему политическому устройству всего «восточного пространства». Каким оно будет после победы Германии? На этот вопрос надо было ответить как можно быстрее и с как можно большей политической ясностью.

Устройство будущей гражданской оккупационной администрации напрямую зависело от тех концепций национальной политики, которые имели хождение среди различных группировок немецкого военно-политического руководства. Фактически первоначально к этому делу был допущен только главный нацистский теоретик А. Розенберг, который считался признанным экспертом по внешнеполитическим и национальным вопросам. Его же основным оппонентом, как это ни покажется парадоксальным, стал сам Гитлер, который также имел свой взгляд на «восточную» политику. Ее основные тезисы будущий фюрер германской нации сформулировал еще в 1920-х годах, когда писал в «Майн Кампф»: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке… Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»[39]. В целом это была только генеральная линия. Хоть и ясно сформулированная, она тем не менее страдала одним недостатком: не было понятно, как ей следовать.

Взгляды Розенберга на национальный вопрос в Советском Союзе и будущее политическое устройство входивших в него республик хорошо известны. Его идеалом была слабая аграрная «Московия», окруженная со всех сторон санитарным кордоном из зависимых от Германии государств – бывших республик СССР. Мнение Гитлера по этому поводу менее известно. Многие исследователи обычно приводят вышеуказанную цитату и пишут, что фюрер был сторонником полного подчинения указанных территорий и противником любой национальной политической администрации на них. Отчасти это справедливо. Но нужно сказать, что это мнение стало таким только перед самым нападением на СССР и продолжало оставаться

[39] *Гитлер А.* Моя борьба. Харьков, 2003. С. 664 – 665.

неизменным на протяжении всей войны[40]. После написания «Майн Кампф» и до самой разработки плана «Барбаросса» взгляды Гитлера на восточную политику претерпели значительную эволюцию[41].

Следует сказать, что, по словам американского исследователя А. Даллина, «фюрер слабо разбирался в нюансах национальных концепций его окружения»[42]. Поэтому трудно сказать, какой из них он отдавал наибольшее предпочтение. Это утверждение можно проиллюстрировать следующим примером. Летом 1932 года в штабе нацистской партии в Мюнхене состоялась конференция, посвященная путям и методам будущей колонизации «восточных территорий». Организатором конференции выступил один из нацистских теоретиков В. Дарре, отвечавший в окружении Гитлера за аграрную политику. В целом все темы, которые обсуждались на этой конференции, не выходили за рамки проблем сельского хозяйства и колонизации. Однако один из сотрудников Дарре сделал очень интересный доклад о «пространственных задачах восточной территориальной политики». Так, он считал, что в Восточной Европе должен возникнуть союз государств, контуры которого были намечены уже в годы Первой мировой войны. В центре – ядро, состоящее из Германии, Австрии, Чехии и Моравии. Затем – «венок» из малых и средних несамостоятельных государственных образований. А именно: Прибалтийские государства, средних размеров Польша, более крупная Венгрия, разделенные на составные части Сербия и Хорватия, уменьшенная Румыния, Украина, существующая в виде нескольких независимых частей, южнорусские и кавказские государства. На северо-востоке это «федеративное государство», связанное общими вооруженными силами, экономикой, валютой и внешней политикой, должно было простираться до границ Финляндии, на юго-востоке – Грузии[43].

Несмотря на свой радикализм, Гитлер поддержал такие принципы немецкой восточной политики. Более того, уже после прихода к власти, в начале 1934 года, он заявил на одном из совещаний, что целью германской политики на Востоке должен быть «альянс с Украиной, Поволжьем, Грузией и т. п. Но не альянс равных партнеров, а союз вассальных государств без отдельной армии, политики и экономики»[44].

События 1938 – 1940 годов показали, что такой ход событий вполне возможен. Именно в эти годы были созданы протекторат Чехии и Моравии, генерал-губернаторство в Польше и марионеточные правительства в Словакии и Норвегии. Поэтому, когда 22 июля 1940 года на совещании в Генштабе сухопутных войск обсуждался вопрос о будущей войне против СССР, Гитлер поставил перед своими генералами следующие политические задачи: «Украинское государство, Федерация Балтийских государств, Белоруссия…» [45]

Поначалу это заявление можно было понимать как угодно, вплоть до того, что Гитлер планировал создание этих независимых государств. Однако уже неделю спустя, 31 июля, он дал более ясно понять, что подразумевает под «независимостью» для этих регионов. Начальник Генштаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер так передал слова фюрера: «Окончательно Украина, Белоруссия, Прибалтика – нам…»[46] То есть подразумевалось, что после победы эти территории будут зависимыми от Германии государствами.

Из документов известно, что следующие четыре месяца Гитлер вообще не касался проблемы организации «восточных территорий». И только 5 декабря он вновь вернулся к этой

---

[40] Гитлер, например, считал, что нельзя сотрудничать ни с одним из национальных движений, так как все они стремятся только использовать Германию. При этом он ссылался на печальный опыт Первой мировой войны, когда правительство кайзера Вильгельма II поддержало поляков, а они потом ударили Германии в спину.

[41] Вторая мировая война. Взгляд из Германии: Сб. ст. мат-лов. М., 2005. С. 64.

[42] *Dallin A.* Op. cit. P. 50.

[43] *Раушнинг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 42 – 47.

[44] *Розенберг А.* Указ. соч. С. 353 – 354.

[45] *Гальдер Ф.* Военный дневник. 1939 – 1942: В 3 т. М., 2002 – 2003. Т. 1. С. 54.

[46] *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 81.

теме, определив будущую роль западных окраин СССР. Как бы развивая свои июльские планы, фюрер высказался в том смысле, что Украина, Прибалтика и Белоруссия должны стать «буферными государствами Великой Германии»[47].

В начале 1941 года начальник штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта (ОКВ) генерал А. Йодль подал на рассмотрение Гитлеру проект так называемых «Инструкций по особым вопросам», которые прилагались к Директиве № 21 (план «Барбаросса»). В начале марта фюрер вернул этот документ в ОКВ, снабдив его следующими дополнениями и комментариями: «Предстоящая кампания есть нечто большее, чем просто вооруженный конфликт. Это столкновение двух различных идеологий. Ввиду масштаба вовлекаемой в эту войну территории она не закончится просто разгромом вооруженных сил противника. Вся территория должна быть разделена на отдельные государства, каждое со своим собственным правительством, с которым мы затем сможем заключить мир. Формирование этих правительств требует большого политического умения и должно основываться на хорошо продуманных принципах… Сегодня социалистическую идею в России уже невозможно истребить. С точки зрения внутренних условий образование новых государств должно исходить из этого принципа. Большевистско-еврейская интеллигенция должна быть уничтожена, так как до сего дня она является «угнетателем»… Наша цель – построить как можно скорее и используя минимум военной силы социалистические государства, которые будут зависеть от нас. Задача эта настолько трудная, что ее нельзя доверить армии»[48].

Эти указания Гитлера, которые определяли компетенцию вермахта в политической сфере, легли в основу окончательных «Инструкций» к плану «Барбаросса», подписанных начальником ОКВ генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем 13 марта 1941 года. О политическом устройстве оккупированных территорий СССР в них, в частности, говорилось следующее: «Как только зона боевых действий достигнет достаточной глубины, будет установлена тыловая граница. Оккупированная территория в тылу зоны боевых действий будет иметь собственное политическое управление. Она будет разделена по этнографическому признаку и в соответствии с разграничительными линиями групп армий. Сначала она будет состоять из «Севера» (Прибалтика), «Центра» (Белоруссия), «Юга» (Украина). На этих территориях политическое управление будет передано рейхскомиссарам, которые получат соответствующие указания от фюрера»[49].

Известно, что и этот вариант еще не окончательно удовлетворил Гитлера. Поэтому после ознакомления с ним 17 марта 1941 года он снова отметил: «Мы должны создать свободные от коммунизма республики. Насажденная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Руководящий аппарат русского государства должен быть сломан»[50]. Необходимо подчеркнуть, что здесь Гитлер зашел наиболее далеко в своем планировании будущего устройства «восточных территорий». Последующие события показали, что он значительно охладел к идее буферного альянса из вассальных государств – бывших западных республик СССР.

В конце марта 1941 года вопрос о будущем политическом устройстве Советского Союза был поднят на качественно иной уровень. Следует сказать, что за те полмесяца, которые прошли с утверждения «Инструкций» к Директиве № 21, точка зрения Гитлера на обустройство «восточных территорий» приобрела более радикальный оттенок. Он не отказался от идеи административно-политического деления «восточного пространства». Однако теперь фюрер считал, что это не должны быть пусть и вассальные Германии, но независимые государства (даже, если их независимость будет только фикцией). Всю оккупированную территорию СССР

---

[47] KTB des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab): In 4 Bd. / Hrsg. v. H.-A. Jacobsen und andere. Frankfurt-am-Main, 1961 – 1965. Bd. 1: 1.8.1940 – 31.12.1941. S. 205.

[48] Цит. по: *Варлимонт В.* В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. М., 2005. С. 168 – 169.

[49] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7445. Оп. 2. Д. 141. Л. 115 – 117.

[50] *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 496.

следовало поделить на административные единицы, которые напрямую и полностью будут подчиняться Германии. То есть предполагалось создать что-то вроде «древневосточных сатрапий, но на новый лад». По мнению А. Даллина, которому принадлежит взятая в кавычки фраза, такая эволюция во взглядах Гитлера произошла из-за изменений политической и военной обстановки, имевшей место в течение этого года. В 1939 и начале 1940 года он мог вполне искренне говорить о создании независимых Украины, Белоруссии и Прибалтики, чтобы таким образом воздействовать на английскую, французскую и советскую дипломатию, а также оказывать контрвоздействие на политику польского эмигрантского правительства. Теперь такие игры Гитлеру нужны не были: как известно, с лета 1940 года нацистская Германия была хозяином всего Европейского континента[51].

Свою новую точку зрения Гитлер высказал 30 марта 1941 года на совещании германского военно-политического руководства, в ходе которого цели войны против СССР были определены окончательно. С военной точки зрения они должны были заключаться в достижении линии Архангельск – Астрахань, а в политическом плане следовало сделать так, чтобы «никакая организованная сила не могла противостоять немцам по эту сторону Урала». В заключение своего выступления Гитлер выразился более конкретно: «Наши задачи в отношении России – разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство» [52]. Для управления же захваченными советскими территориями фюрер предлагал создать «протектораты»: в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии. Слово «протекторат» здесь взято в кавычки намеренно. Конечно, это не должны были быть протектораты как в Чехии и Моравии. Скорее речь шла только о политической ширме[53].

Это мартовское совещание знаменательно еще и тем, что на нем все вопросы будущего административно-политического планирования на «восточных территориях» были переданы в ведомство Розенберга. Теперь только он и его подчиненные могли заниматься этим. Уже 2 апреля 1941 года Розенберг представил первый меморандум, в котором полностью отразил свои политические взгляды и концепцию решения национального вопроса в СССР. В целом он предлагал разделить его на семь регионов:

- Великороссия с центром в Москве;
- Белоруссия с Минском или Смоленском в качестве столицы;
- «Балтенланд» (Эстония, Латвия и Литва);
- Украина и Крым с центром в Киеве;
- Донская область с Ростовом-на-Дону в качестве столицы;
- Кавказский регион;
- Туркестан (российская Центральная Азия).

Согласно концепции, изложенной в этом документе, Россия (или, вернее, то, что от нее оставалось) должна была быть отрезана от остального мира кольцом нерусских государств. Однако это было еще не все: по замыслу Розенберга, она еще и теряла целый ряд территорий с русским населением. Так, Курск, Воронеж и Крым отходили к Украине, а Ростов-на-Дону и Нижняя Волга – к Донской области. В будущей России «полностью уничтожалась еврейско-большевистская администрация», а сама она «должна была быть подвергнута интенсивной экономической эксплуатации» со стороны Германии. Кроме того, это территориальное образование получало статус гораздо ниже, чем даже у окружавших его «государств», чтобы служить своего рода «приемником» для всех «нежелательных элементов с их территорий» [54].

---

[51] *Dallin A.* Op. cit. P. 50 – 51.

[52] *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 520, 522.

[53] *Кейтель В.* Размышления перед казнью. Смоленск, 2000. С. 286 – 289.

[54] Germany and the Second World War: In 9 vols. Oxford, 1998. Vol. 4. P. 488.

Розенберг в целом согласился с предыдущими планами Гитлера о выделении Белоруссии в самостоятельную административную единицу. Тем не менее следует отметить, что он был очень низкого мнения относительно национальной «спелости» белорусского народа и поэтому долго не решался сформировать свою окончательную позицию по белорусскому вопросу. Розенберг отмечал в своем меморандуме, что эта советская республика «очень отстает в культурной и хозяйственной сферах», в связи с чем «пробуждение ее национальной жизни и создание полноценного государственного механизма может оказаться весьма трудным делом». Однако ее самостоятельное существование могло быть оправдано хотя бы уже тем, что ослабляло Россию. С этой целью территорию Белоруссии планировалось увеличить за счет западнорусских областей с центром в Смоленске[55].

Этот план вызвал существенные замечания Гитлера, который считал, что деление будущей оккупированной территории не должно быть таким дробным, а создаваемые административные единицы – искусственными. Например, организация отдельной Донской области не была, на его взгляд, обусловлена ни политически, ни экономически, ни даже с точки зрения национальной политики. Это же касалось и Белоруссии. Фюрер считал, что ее необходимо объединить с Прибалтикой – так будет удобнее с административной точки зрения. И такие замечания были высказаны практически по всем пунктам меморандума Розенберга. Однако следует признать, что его генеральной линии они почти не затронули. Гитлер ничего не имел против таких пассажей, в которых шла речь о «дальнейшей дифференциации среди населения оккупированных территорий», «украинском народе и его свободе», «освобождении народов Кавказа» и «спасении эстонской, латышской и литовской наций». Что же касается «России или русских территорий, то о каких-либо изменениях в их судьбе не могло быть и речи»[56].

Розенберг работал над своим новым меморандумом больше двух месяцев. Судя по его черновым наброскам, только в мае 1941 года он признал необходимым соединение Белоруссии и Прибалтийских республик в рамках одной административной единицы. Однако, и Розенберг это сам признавал, такое решение могло быть только временной мерой, совершенно не решавшей проблему политического статуса Белоруссии. Не было однозначного ответа и на вопрос о послевоенном будущем этой республики. То она определялась как территория, которая вместе с Прибалтикой подлежала германизации и включению в состав Третьего рейха, то как территория, которая не подлежала вообще какой-либо инкорпорации. Было мнение сделать Белоруссию приемником для «нежелательных элементов» из Прибалтики и Польши или даже природным заповедником. При этом Розенберг подчеркивал, что не следует отказываться от мысли предоставить Белоруссии в неопределенном будущем «своего рода автономию»[57].

20 июня 1941 года в Берлине состоялось совещание высшего военно-политического руководства Германии, на котором Розенберг представил Гитлеру новый план будущего административно-политического устройства «восточных территорий». Согласно этому плану предполагалось создать пять административных единиц – рейхскомиссариатов (*Reichskomissariat*):

- «Московия» (центральные области России),
- «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия),
- «Украина» (большая часть Украины и Крым),
- «Кавказ» (Северный Кавказ, Закавказье и Калмыкия)
- «Туркестан» (Средняя Азия, Казахстан, Поволжье и Башкирия).

Эти административные единицы планировалось создавать по мере продвижения линии фронта на Восток и после военно-политического умиротворения указанных регионов[58].

---

[55] *Туронак Ю.* Мадэрная гісторыя Беларусі. Вільня, 2006. С. 540.

[56] *Dallin A.* Op. cit. P. 52 – 53.

[57] *Туронак Ю.* Мадэрная гісторыя Беларусі… С. 540.

[58] ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 144. Л. 330 – 332.

В целом Гитлер согласился с таким решением проблемы и уже 17 июля 1941 года, почти через месяц после нападения на СССР, подписал приказ о введении гражданского управления на оккупированных территориях. Этим приказом было создано министерство оккупированных восточных областей (*Reichsministerium für die besetzen Ostgebiete*) – главный руководящий орган для указанных административных единиц. Возглавил министерство А. Розенберг[59]. Провал планов «молниеносной войны» против Советского Союза привел к тому, что удалось создать только два рейхскомиссариата – «Остланд» и «Украина». Юридически они начали функционировать 1 сентября 1941 года. В своем же окончательном виде их территории оформились только к декабрю 1941 года[60].

Этим приказом были урегулированы все планы по «организации восточного пространства». Однако нельзя не отметить, что будущее Белоруссии, сформулированное Розенбергом и его сотрудниками, было очень туманным. Поэтому, когда немецкие войска входили на территорию этой советской республики, ни одна из оккупационных инстанций не имела представления о ее будущем политическом статусе.

[59] ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 183. Л. 45 – 46.

[60] *Bräutigam O.* Überblick über die besetzen Ostgebiete während des 2. Weltkrieges… S. 4 – 5.

Белорусское национальное движение: от возникновения до начала Второй мировой войны

Белорусское национальное движение относилось (да и сейчас относится) к числу наиболее неразвитых как в идейном, так и в организационном плане. Даже несмотря на поддержку тех или иных внешних сил, белорусским националистам до сих пор не удается окончательно убедить «мировую общественность» и, что более актуально, свой народ, что в этническом смысле он является отличным от русского народа. Тем не менее они продолжают утверждать, что их притязания на государственную независимость имеют исторические корни и основания. В целом все основные вехи зарождения и развития белорусской национальной идеи можно свести к следующим моментам.

Так, по их утверждениям, белорусским государством было уже Великое княжество Литовское (XIV – XVIII вв.), потерявшее свою независимость «только в результате империалистической политики Москвы». В этот период, как считают националисты, были заложены основы белорусской государственной и национальной идеи.

Возникновение же белорусского национализма как такового относится его идеологами ко времени Польского восстания 1863 года. Как известно, польский народ не смирился с потерей своей независимости и повел борьбу за ее восстановление. При этом поляки стремились не только к собственному освобождению, но мечтали также и о восстановлении своего государства в границах Речи Посполитой, то есть желали получить украинские и белорусские земли, которые до падения Польши были, в сущности, ее колонией. Поэтому польская борьба получила свое отражение и в западной части Белоруссии, где помещики, шляхта, а отчасти и городское население были уже польскими. Основная же масса населения – крестьяне – были белорусами.

Чем же, помимо всего прочего, знаменито восстание 1863 года? Известно, что в ходе этого восстания поляки впервые предприняли попытку восстановить против русских властей белорусское крестьянство. Этим делом занимался «диктатор Литвы» К. Калиновский, написавший и выпустивший несколько листовок на белорусском языке. Разумеется, никакого успеха эти листовки достичь не могли, так как белорусский крестьянин, бывший до недавнего времени крепостным, не имел никаких оснований для поддержки своих недавних господ. И деятельность Калиновского, в связи с его листовками, не заслуживала бы упоминания, если бы не то обстоятельство, что белорусские националисты возвели его в ранг борца за независимость и отца белорусской печати, хотя в листовках Калиновского нет никакого упоминания о белорусском вопросе. По происхождению представитель католической шляхты, Калиновский был чистой воды нигилистом, этаким «бесом» из одноименного романа Достоевского, о чем свидетельствует его бурная молодость[61]. Будучи еще студентом Петербургского университета, он принимал активное участие в деятельности революционных подпольных кружков. И двигала им ненависть к существующему режиму, а не какая-то «любовь» к белорусскому народу[62].

Как отмечал эмигрантский историк И. Коринкевич, «белорусские националисты вообще часто пытались присвоить и приписать себе то, что не имело к ним никакого отношения»[63]. Подобно тому как они отзываются о Калиновском, они пишут и об И. Гриневицком, убийце императора Александра II. Многие из них вполне серьезно рассматривают последнего как

[61] Например, в современной Белоруссии имя Калиновского активно эксплуатируют белорусские левые эсеры и анархисты, которые считают его прежде всего борцом за социальную справедливость. Они даже придумали специальный лозунг, который кричат на своих митингах: «Кропоткин – Калиновский – Че Гевара».

[62] *Булгакаў В.* Гісторыя беларускага нацыяналізму. Вільня, 2006. С. 133 – 135.

[63] BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, Bl. 144 – 144rs.

«сознательного белоруса», который действовал исходя из белорусской национальной идеи[64]. Тогда как известно, что это был убежденный член «Народной воли», для которого не существовало ни наций, ни народов, а только угнетенные и угнетатели.

Очередные польские попытки посеять смуту в умах белорусского населения и восстановить его против власти произошли незадолго до первой русской революции. В 1891 году польскими революционными организациями была издана в Кракове (тогда Австро-Венгерская империя) книжка стихов Ф. Богушевича под названием «Дудка белорусская», а в 1894 году в Познани (тогда Германская империя) – «Смычек белорусский» того же автора. О «польском следе» в этом деле свидетельствует тот факт, что в 1903 году обе эти книжки были переизданы в Лондоне на средства Польской социалистической партии, одним из лидеров которой был Ю. Пилсудский – будущий «начальник Польского государства»[65].

Изучая ранние этапы истории белорусского национализма, нельзя не отметить, что он изначально поддерживался внешними силами. И первой такой силой было польское национально-освободительное движение, лидеры которого считали, что такое политическое течение будет меньшим для них злом, чем принадлежность Белоруссии к единому Российскому государству. А кроме того, как это уже было в случае с К. Калиновским, все средства были хороши, если они вели к ослаблению России. Следует отметить, что одновременно подобные действия проводились и на «украинском направлении». Фактически старт двум национальным идеям – украинской и белорусской – был дан одновременно, и до определенного момента они развивались параллельно.

Все вышесказанное имеет, конечно, существенное значение для понимания истории возникновения и развития белорусского национализма. Однако фактически все эти события можно считать не больше чем мифами, без которых не может обойтись ни одно национальное движение. Зарождение же белорусского национализма в его современной форме можно отнести только ко времени первой русской революции, перед которой национальный вопрос в Российской империи обострился как никогда до этого. В декабре 1902 года на минском съезде представителей студенческих и ученических организаций Вильно[66], Минска и Петербурга была создана первая белорусская политическая партия – Белорусская революционная громада, которая позднее была переименована в **Белорусскую социалистическую громаду (БСГ)**. Ближайшей своей целью БСГ ставила свержение «царского самодержавия» и утверждение демократических свобод в совместной борьбе с другими народами империи, после чего планировалось построение социализма. Что касается национального вопроса, то первая программа партии предусматривала создание независимой Белорусской демократической республики, а вторая (1906 г.) – государственную автономию края в составе демократической федеративной России. При этом даже националистические историки не отрицают того, что практически вся первая программа БСГ была скопирована с программы Польской социалистической партии[67].

Тогда же, в 1905 году, была основана первая газета на белорусском языке – «Наша доля». Вскоре этот печатный орган принял новое название «Наша ніва» и в таком виде просуществовал до лета 1915 года. Руководящую роль в газете играли члены БСГ братья И. и А. Луцкевичи, через которых также шли средства на ее выпуск. Следует отметить, что второй из братьев – А. Луцкевич – сотрудничал также в польской и левой русской прессе. Помимо них в работе газеты принимали участие В. Ластовский, И. Луцевич (Янка Купала), К. Мицкевич (Якуб Колос) и несколько других менее значительных сотрудников. «Наша ніва» выходила в

---

[64] *Захарка В.* Галоўныя моманты беларускага руху // Запісы БІНІМ. 1999. № 24. С. 5.

[65] BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, Bl. 144rs.

[66] Вильно – современный Вильнюс – столица Литовской республики. До начала Второй мировой войны практически все население этого города и его сельской округи являлось белорусским.

[67] Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 62 – 64.

Вильно, раз в неделю, двумя изданиями (русским и латинским шрифтом) и, по словам современников, «носила глубоко провинциальный характер». Никакого влияния эта газета и стоявшая за ней группа не оказывали ни на местную интеллигенцию, ни на прочее население, справедливо видевшее в том деле очередную польскую интригу. И тем не менее «Наша ніва» была тем местом, где получили обработку и откуда вышли главнейшие деятели белорусского национализма[68].

Если первая русская революция и предшествующие ей события пробудили всевозможные национальные движения, то Первая мировая война принесла с собой неслыханные возможности для сепаратистов всех мастей, которые направляли свою деятельность на расчленение России. И белорусский сепаратизм не был в данном случае исключением. Понятно, что наибольший интерес к нему проявили немцы, которые могли использовать его с большей пользой, чем, например, поляки. Поэтому вскоре после занятия Вильно (1915 г.) тут появился представитель «немецких частных кругов» профессор Р. Абихт, начавший тесное сотрудничество с А. Луцкевичем и В. Ластовским. Последние, поменяв польских покровителей на немецких, создали при их поддержке первую в истории белорусскую сепаратистскую организацию – Белорусский национальный комитет, позже переименованный в Белорусский совет (*Беларуская рада*). Члены совета предприняли меры по созданию других белорусских организаций, например Общества помощи жертвам войны. Кроме того, была проделана определенная работа по развертыванию сети белорусских школ. Немаловажная роль отводилась и антирусской пропаганде. Так, для этой и других целей на немецкие деньги издавалась еженедельная газета «Гоман». Следует отметить, что именно в этой газете Ластовский «открыл» Калиновского как белорусского политического деятеля, а также приписал Польскому восстанию 1863 года белорусский характер (во всяком случае, на территории Белоруссии).

К этому же периоду относится выход белорусского национализма на международную арену. В 1916 году Ластовский едет из оккупированного Вильно в Швецию на организованный немцами съезд представителей нерусских народов России, где была основана лига этих народов. Позже он побывал на подобной конференции в Лозанне (Швейцария). Соратник Ластовского А. Луцкевич также получил немецкий заграничный паспорт и совершил ряд поездок, в которых выполнял ряд немецких поручений, в основном пропагандистского характера.

В целом все усилия Ластовского и Луцкевича, направленные на развитие белорусского национализма в условиях немецкой оккупации, успеха не имели. Во-первых, у них не было кадров, а во-вторых, их деятельность носила характер явной государственной измены по отношению к России, подданными которой они являлись, и поэтому мало кто соглашался с ними сотрудничать. С другой же стороны, и этого нельзя не отметить, ими были установлены определенные контакты, которые пригодились белорусским националистам в дальнейшем[69].

Февральская революция в Российской империи и последовавший за ней большевистский переворот позволили белорусскому национализму оформиться окончательно и начать развиваться на собственно белорусских территориях. Надо сказать, что к февралю 1917 года, несмотря на все усилия националистов, он находился здесь еще в зачаточном состоянии. Так, по словам американских историков М. Геллера и А. Некрича: «Белорусские крестьяне не проявляли чувства этнической самостоятельности по отношению к русским», а «политическая жизнь в Белоруссии развивалась в русских и еврейских политических организациях»[70]. Тем не менее после свержения царской власти происходит оживление политической жизни и здесь.

---

[68] *Турук Ф.Ф.* Белорусское движение. М., 1921. С. 21 – 25.

[69] *Туронак Ю.* Мадэрная гісторыя Беларусі… 519 – 521.

[70] *Геллер М.Я., Некрич А.М.* История России 1917 – 1995: В 4 т. М., 1996. Т. 1. С. 73.

Уже упоминавшийся историк Коринкевич нарисовал следующую картину, предшествующую революции и Гражданской войне на территории Белоруссии: «По всей России происходили в то время разнообразные съезды, производились национальные формирования, образовывались реальные и дутые правительства и представительства. Все, у кого были хоть малейшие к тому основания, начинают митинговую борьбу за свои цели и идеалы»[71].

В начале апреля 1917 года в Минске прошел съезд белорусских национальных организаций, которые возникли за период с 1914 по 1917 год. На этом съезде было решено добиваться автономии Белоруссии в рамках будущей Российской Федерации. Для этого съездом был сформирован Белорусский национальный комитет. Однако Временное правительство в Петрограде отказалось признать за белорусами право на автономию. В скором времени это привело к тому, что все национальные силы стали ориентироваться на Германию, считая реальным получить независимость из рук немецкого имперского правительства[72].

В середине июля 1917 года в Минске состоялся съезд белорусских национальных организаций и партий. На нем депутаты избрали Центральный совет (*Цэнтральная рада*) белорусских организаций, которому было поручено создание национального банка, формирование армии и открытие университета. Переименованный в Великий белорусский совет, этот орган созвал в Минске 18 декабря 1917 года 1-й Всебелорусский конгресс[73], который, по идее его организаторов, должен был сплотить все национальные политические силы. На конгресс явилось 1872 делегата, из них 716 были военными. Вся группа белорусских сепаратистов из зоны немецкой оккупации сравнительно легко сумела заручиться депутатскими полномочиями и явилась на конгресс в количестве 70 – 80 человек. Никакого влияния на деятельность и решения конгресса эта незначительная группа иметь не могла. Предложить резолюцию о провозглашении независимости Белоруссии она не решилась, так как такое выступление не отвечало реалиям того времени и было бы попросту поднято на смех. Вообще же основная борьба на конгрессе развернулась между большевиками и социалистами, выступавшими за федерацию с Россией. В результате первой и единственной резолюцией, принятой конгрессом, была резолюция о желательности федеративного устройства Российского государства[74]. Принятие именно такого решения получило у националистов следующее «горестное объяснение»: «Массы еще далеко не доросли и не созрели для понимания идеи национальной независимости. Поэтому пришлось обратиться к поискам компромисса, приемлемого и для националистов, и для несознательных еще народных масс. Такой компромисс был найден в принципе федерализма»[75].

Никаких других резолюций и постановлений конгресс вообще не успел принять, так как был разогнан большевиками, настаивавшими на установлении советской власти. После этих событий 71 участник конгресса (в основном из националистических групп) собрались в своем кругу и провозгласили незаконный характер узурпации власти большевиками. Затем они постановили, что «выделяют» из своего состава так называемый Белорусский совет *(Беларуская рада),* который должен был представлять волю разогнанного конгресса. В дальнейшем вокруг этого конгресса был создан миф, который лег в основу всех остальных националистических построений. Конгресс стал представляться как нечто похожее на Белорусское учреди-

[71] BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, Bl. 145.

[72] *Геллер М.Я., Некрич А.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 73.

[73] Следует сказать, что первоначально это мероприятие называлось съездом и только в послереволюционной националистической литературе получило название «конгресс». Вероятно, авторам этого мифа казалось, что так звучит гораздо внушительнее. С другой стороны, интересно отметить, что советская историография попалась на националистическую удочку и также именует этот съезд конгрессом.

[74] *Турук Ф.Ф.* Указ. соч. С. 37 – 39.

[75] Цит. по: BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, Bl. 145.

тельное собрание, которое стремилось провозгласить независимость Белоруссии, но не успело этого сделать, будучи разогнанным большевиками[76].

До конца февраля 1918 года созданный националистами Белорусский совет находился в подполье и никаким образом не заявлял о своем существовании. Однако срыв мирных переговоров в Брест-Литовске и оккупация территории Белоруссии немецкими войсками создали новое положение вещей. Изгнание большевиков вновь дало возможность националистическим силам добиваться независимости Белоруссии. Вскоре в этом направлении были предприняты конкретные шаги. Так, уже 9 марта 1918 года было провозглашено создание **Белорусской Народной Республики (БНР)**. Вскоре после этого, а именно 25 марта 1918 года, совет, с разрешения немецких властей, провозглашает независимость Белоруссии. Одновременно совет совершает второй акт, пожалуй, не меньшей исторической важности – посылает от имени белорусского народа верноподданническую телеграмму кайзеру Вильгельму II и просит его принять Белоруссию под свое покровительство[77].

После этого Белорусский совет был конституциирован в Совет Белорусской Народной Республики (*Рада БНР*). Одновременно был создан кабинет министров (народный секретариат) во главе с президентом П. Кречевским, который одновременно возглавлял и Совет БНР. Но руководить белорусскому правительству не пришлось. Несмотря на все декларации, германское командование рассматривало Белоруссию как оккупированную часть России. Деятельность Совета БНР, а также временного правительства Белоруссии – народного секретариата – была не то чтобы запрещена, но и не очень приветствовалась. Только через три месяца, в мае 1918 года, командующий немецкими оккупационными войсками генерал пехоты Э. фон Фалькенхайн принял представителей Совета БНР и дал свое согласие на создание при местных оккупационных структурах института советников. В итоге под немецкой оккупацией БНР существовала только на бумаге, а вся реальная деятельность ее Совета свелась к культурно-просветительским мероприятиям. Такое положение продолжалось вплоть до краха Германии в ноябре 1918 года, когда, ввиду приближения большевиков, белорусские министры были вынуждены бежать вместе с отступающими немецкими войсками и оказались кто в Польше, кто в Литве, а кто в Германии или Чехословакии. Например, президент Кречевский остался на территории этой республики[78].

В результате развала немецкого Восточного фронта и образования политического и военного вакуума на территории Белоруссии ее территория во второй раз была захвачена Советской Россией. Так закончилась первая попытка белорусских националистов добиться независимости при помощи немцев. Белоруссия же на целых два года (с 1919 по 1920 г.) становится театром военных действий между большевиками и поляками. Последние, кстати, также рассматривались белорусскими националистами в качестве союзников. Однако возродившееся Польское государство было не сильно заинтересовано в реальном создании такого альянса. Самое большее, что «начальник Польши» Ю. Пилсудский мог обещать националистам, так это очень урезанная автономия, да и то только после окончания войны. Теперь уже ясно, что в этих заявлениях было больше пропаганды, чем правды, так как даже в начале XX века поляки не могли отказаться от идеи «Великой Польши от моря до моря» с Украиной и Белоруссией в качестве колоний. В результате все попытки националистов создать в оккупированной поляками Белоруссии свое самоуправление и вооруженные силы были блокированы. Эти события привели к первому серьезному расколу в их рядах. От них отошли белорусские социалисты-революцио-

[76] См., например, такую точку зрения в: *Жук-Грышкевіч В.* 25-га Сакавіка. Успаміны з Менску, Будслава, Вільні, Прагі, савецкай турмы. Таронта, 1978.

[77] Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Мінск, 1998. Ч. 2. С. 45 – 55.

[78] *Туронак Ю.* Мадэрная гісторыя Беларусі… С. 525 – 527.

неры, которые теперь стали считать, что союз с большевиками вполне возможен при условии признания ими автономии Белоруссии[79].

Здесь следует остановиться и сказать несколько слов еще об одном ключевом и крайне популярном мифе белорусских националистов. Речь идет о так называемом Слуцком восстании – событии, которое имело место на заключительном этапе советско-польской войны. Выше уже неоднократно говорилось, что первый главный миф – миф о Всебелорусском конгрессе – носит прежде всего политический характер. С его помощью националисты пытались и пытаются доказать, что именно тогда была провозглашена «независимая Белоруссия». Второй же миф связан с «сознательной вооруженной борьбой белорусского народа за эту независимость». Вот как, например, история со Слуцким восстанием выглядит в изложении авторов белорусского эмигрантского еженедельника «Бацькаўшчына»: «…Когда Совет Белорусской народной республики объявил 25 марта 1918 года в Минске Белоруссию свободным и независимым государством, на Случчине сразу стали создаваться исполнительные органы БНР, которые сделались местной властью, подчиненные центральным верховным органам в Минске. В Слуцке возникает Белорусский национальный комитет (БНК) во главе с П. Жавридом, который разворачивает широкую административную деятельность. Большевики, которые в то время продвигались на запад (ноябрь 1918 г.), разгоняют БНК, а его председателя Жаврида арестовывают. Через два года, в связи с польско-советской войной и продвижением поляков на восток, Случчина переходит под польскую оккупацию. Перед самым большевистским отступлением Жавриду удается бежать из тюрьмы, а БНК возобновляет свою деятельность… В конце ноября 1920 года большевики без всякого предупреждения снова ворвались на Случчину. Главное белорусское командование приказало уже сформированным белорусским воинским частям и милиции оставить Слуцк и собраться в местечке Семежеве, где и собралось до 10 тысяч повстанцев. Сформированная 1-я белорусская дивизия 27 ноября пошла в кровавый бой за родную Белоруссию… Славный Слуцкий фронт БНР в продолжение месяца сдерживал наступление русско-монгольской орды». И так далее, в том же духе, с нажимом на то, что такая «массовая борьба белорусского народа может быть объяснена только его национальной зрелостью, его враждебным отношением к российскому империализму, его ненавистью к русскому оккупанту, его совершенно правильным отождествлением большевизма с рассейщиной»[80].

Что тут можно сказать? Конечно, в приведенных выше выдержках правда очень сильно перемешана с ложью. Так, например, ни Главного белорусского командования, ни 10-тысячной 1-й белорусской дивизии, которая более месяца держала 100 км фронт, вообще в природе не существовало. И не было никакого Жаврида. Вернее, он был, но не там. Судя по документам, после окончания Гражданской войны в Вильнюсе действительно проживал беженец из Слуцка, некто П. Жаврод, который в 1923 году вместе с семьей вернулся в БССР.

А что же было на самом деле? Как известно, на основе договора о перемирии польские войска должны были отойти за демаркационную линию, а Красная армия – войти в Слуцкий уезд. Однако 15 – 16 ноября 1920 года в еще занятом польскими войсками Слуцке по инициативе судьи Прокулевича был созван съезд представителей местных властей уезда, на который прибыло 127 человек. Съезд избрал Слуцкий белорусский совет в составе 17 человек и поручил ему организовать национальную армию. Кроме того, слуцкие представители выразили протест против вступления в границы уезда Красной армии и призвали всех к борьбе за «независимую Беларусь в ее этнографических границах». Затем в течение трех дней из числа военнообязанных была сформирована бригада в составе двух полков (Слуцкого и Грозовского), в которые было зачислено около 4 тысяч человек. Командиром этого соединения был назна-

[79] *Захарка В.* Указ. соч. С. 18 – 22.

[80] Бацькаўшчына. 1954. № 4 (126 – 127) и № 12 – 13 (242 – 243).

чен капитан П. Чайка. Когда же 22 ноября 1920 года Красная армия, согласно условиям договора о перемирии, начала приближаться к Слуцку, командование бригады приняло решение отступать на запад, вслед за польскими войсками. В этот момент «слуцких повстанцев» покинул их командир капитан Чайка. Новый командир бригады штабс-капитан А. Сокол-Кутыловский смог успокоить вверенных ему людей и отвел их за реку Морочь, чтобы не столкнуться с наступающей Красной армией. На правом берегу этой реки была уже польская территория. Здесь бригада сложила оружие и была интернирована. Такой взгляд на эту историю является официальной версией современной белорусской историографии. Выглядит он, конечно, более правдоподобно, чем националистические сказки, хотя и их влияния на эту версию тоже нельзя не заметить[81].

После Рижского мира между Польшей и Советской Россией (март 1921 г.) большая часть Белоруссии осталась в составе СССР, где была создана Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) со столицей в Минске. К Польше же отошла ее западная часть с городами Гродно, Барановичи, Белосток, Брест и Пинск. Помимо этого, небольшая часть белорусских земель была присоединена ко вновь образованным Литовской и Латвийской республикам. В дальнейшем этот территориальный (и, что не менее важно, религиозный) раскол сыграл роковую роль в развитии белорусского национализма в годы Второй мировой войны. Кроме того, на территории Центральной и Восточной Европы осела послереволюционная белорусская диаспора. Хотя по своим размерам она и не была такой значительной, как, например, русская или украинская (еще меньше там было «сознательных белорусов»), ее роль в дальнейшем развитии белорусского национализма также важна. К слову, в изгнании (в Чехословакии) оказалось почти все правительство БНР. Еще одним значительным местом проживания белорусской диаспоры была Германия.

Естественно, что настоящая белорусская политическая жизнь развивалась только на белорусских землях. Менее активной она была в Литве и Латвии, хотя на территории последней и оказался бывший «военный министр» БНР и известный публицист К. Езовитов. Наиболее же активный характер эта жизнь приобрела в СССР и Польше. Развивалась она здесь в совершенно противоположных направлениях, но, как это ни парадоксально, пришла к единому знаменателю – усилению белорусского национализма.

Несмотря на то что большевики провозглашали своей целью нивелировку всех наций, по выражению историка И. Коринкевича, «их роль в разведении и насаждении разных национализмов хорошо известна»[82]. В 1920-х годах эта деятельность получила свое выражение в политике так называемой «коренизации». В чем она заключалась? Прежде всего в подготовке преданных идеям коммунизма национальных кадров и во внедрении языка того или иного народа во все сферы общественной и культурной жизни данной национальной республики. В кратчайшие сроки и в принудительном порядке белорусский язык был введен во всех партийных и советских учреждениях, и даже в армейских частях, расквартированных на территории республики. И советские историки, и даже националисты признают, что в Белоруссии не хватало грамотных кадров, которые бы говорили на белорусском языке. Почти вся белорусская интеллигенция того времени говорила по-русски и не желала переходить на белорусский язык. И недостаток специалистов по белорусскому языку был восполнен оттуда, откуда меньше всего этого было можно ожидать. После объявления амнистии и провозглашения политики «белору-

[81] См., например: *Грыцкевич А.П.* Западный фронт РСФСР 1918 – 1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Мн., 2010. С. 437 – 452. Интересно отметить, что за все время существования белорусской печати в предвоенной Польше (1920 – 1939) никаких упоминаний о Слуцком восстании в ней вообще не было. Эта тема стала активно раскручиваться только после окончания Второй мировой войны. Надо полагать, по вполне естественным причинам: к этому моменту должны были уйти из жизни все участники тех событий.

[82] BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, Bl. 146.

сизации» в БССР вернулись многие бывшие деятели БНР, которые почти сразу же включились в проведение этой политики. Так, созданная после окончания Гражданской войны Белорусская академия наук практически полностью попала в их руки. Именно эти деятели определили советский вариант истории Белоруссии, основной тенденцией которого явилось выпячивание и подчеркивание самых незначительных проявлений сепаратизма в дореволюционное время. В несколько измененном виде этот вариант просуществовал до 1991 года и, по сути, даже сейчас является базой для всех дальнейших научных (и ненаучных) изысканий в области истории Белоруссии[83].

В конце 1920-х годов, после свертывания НЭПа и всех сопутствующих ему экспериментов в политической и духовной сферах, пришел конец и «коренизации». Большинство вернувшихся белорусских националистов и выращенная ими новая белорусская интеллигенция разделили трагическую участь интеллигенции других народов СССР. Однако посеянные ими зерна белорусской национальной идеи и сепаратизма все-таки дали свои всходы. И произошло это в период Второй мировой войны[84].

Если политика коммунистов в решении белорусского вопроса была поначалу лояльной по отношению к националистам, то в Польше все было наоборот. Официальная Варшава не считала белорусов каким-то отдельным народом, а только национальным меньшинством, которое необходимо ассимилировать. Такая же политика проводилась и по отношению к западным украинцам, результатом чего стало усиление Организации украинских националистов (ОУН). В результате вся история Западной Белоруссии 1920 – 1930-х годов была наполнена борьбой за свое национальное выживание. Неудивительно, что многие из них с надеждой смотрели на СССР, где, как им казалось, белорусская нация активно развивается и строит свое национальное государство в виде БССР[85].

Следует сказать, что польские власти формально не запрещали белорусские политические партии и организации. Однако они делали все для того, чтобы уничтожить их. Сейчас принято утверждать, что польский парламентаризм и режим «санации» был либеральнее сталинского режима: он допускал существование белорусских политических партий и т. п. Но, как это ни покажется парадоксальным, белорусы бежали из Польши в СССР, а не наоборот (хотя многие потом и жалели об этом). В целом политика Польши по отношению к белорусскому национальному движению привела к тому, что накануне Второй мировой войны оно оказалось расколото на несколько течений. Из них наиболее значительными были следующие.

Так называемое «незалежницкое» течение. Это было довольно пестрое политическое направление, в котором на почве белорусской независимости сосуществовали организации от партии **христианских демократов** до национал-социалистов. Историк И. Коринкевич отмечал, что «христианских демократов можно считать единственной в настоящем смысле этого слова белорусской партией за все время существования белорусского сепаратизма»[86]. Возглавлял ее членов, преимущественно белорусов-католиков, ксендз А. Станкевич, по словам современников – человек порядочный, способный и лояльный по отношению к инакомыслящим. Вокруг него группировалось некоторое число белорусских ксендзов, наиболее выдающимся из которых был В. Годлевский, настоятель в селе Жодишки. Белорусское католическое духовенство, безусловно, влияло на своих прихожан, что, конечно, не нравилось польским властям. Поэтому вскоре последовала и расправа. В 1925 году ксендз Годлевский был арестован и приговорен к двум годам тюремного заключения за антиправительственную деятельность. После

[83] *Vakar N.* Belorussia: The Making of a Nation: A Case Study. Cambridge, Mass., 1956. P. 137 – 154.

[84] *Lubachko I.* Belorussia under Soviet rule, 1917 – 1957. Lexington, 1972. P. 107 – 126.

[85] *Vakar N.* Op. cit. P. 119 – 136.

[86] BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, Bl. 146rs.

этого католические духовные власти постепенно перевели большинство священников-белорусов на приходы во внутренней Польше, в результате чего деятельность христианских демократов замерла сама собой (хотя формально партия и продолжала существовать до 1940 г.). Со временем из этой партии выросли некоторые другие организации, наиболее значительной из которых был «Белорусский фронт» вышедшего к этому времени из заключения В. Годлевского. Эта организация была создана в 1936 году, но, несмотря на столь позднее возникновение, сыграла, наверное, самую значительную роль в истории белорусского национализма. Ее сторонники выступали и против коммунизма, и против полонизации, и против германского нацизма. Их целью было возрождение белорусского народа и его духа на основе исторических традиций[87].

На правом фланге белорусского «незалежницкого» течения находилась **Белорусская национал-социалистическая партия (БНСП)** Ф. Акинчица. Эта организация была создана в конце 1933 года на волне общеевропейского увлечения идеями фашизма. Акинчиц и его сторонники считали, что все национальные и социальные проблемы белорусского народа можно решить только путем окончательного отказа от иллюзий демократического строя. А воссоединение разорванных Рижским договором белорусских земель возможно только в результате войны. Нет необходимости говорить, что в последнем пункте своей программы партия ориентировалась на возможную поддержку со стороны пришедших незадолго до этого к власти в Германии нацистов[88].

Другое течение составляли члены нелегальной **Коммунистической партии Западной Белоруссии** и их беспартийные сторонники. Естественно, что эта группировка крайне отрицательно относилась к первому течению и всячески боролась против него, так как считало, что идея независимости Белоруссии только «дезориентирует народные массы». Есть факты, что в своей борьбе против белорусских националистов коммунисты вполне сознательно шли на сотрудничество с польской политической полицией. Вероятно, об этом знал и Сталин, так как после присоединения Западной Белоруссии к БССР все местные коммунисты были либо уничтожены, либо высланы в Сибирь[89].

К коммунистам идейно примыкала **Белорусская крестьянско-рабочая громада**, которую возглавляли Б. Тарашкевич, С. Рак-Михайловский, И. Дворчанин и др. Интересно, что в Громаду некоторое время входили и упоминавшиеся национал-социалист Ф. Акинчиц, и коммунист Р. Островский, который в годы войны стал одним из лидеров белорусских коллаборационистов. Эта организация канализировала все недовольство белорусского общества, которое накопилось в результате социального неустройства и национальных притеснений. В 1926 году движение Громады, в которое включились явные и тайные коммунисты, приняло характер лавины. В короткий срок ее активистами были созданы сотни сельских комитетов – так называемых «гуртков». Но в конце концов польские власти спохватились, и в начале 1927 года Громаде был нанесен сокрушительный удар. Наиболее активные руководители и члены движения были арестованы, а сама организация была распущена и объявлена запрещенной[90].

Позже многие осужденные по делу Громады были отправлены по их желанию в СССР в обмен на арестованных советскими властями поляков. Практически все выехавшие в СССР лидеры Громады были репрессированы здесь по сфабрикованному делу так называемого Белорусского национального центра (1933 г.). Например, такая участь постигла С. Рак-Михайловского и И. Дворчанина. А несколько позднее был репрессирован и Б. Тарашкевич. Несмотря

---

[87] *Пацуцэвіч В.* Кс. Вінцэсь Гадлеўскі. Дзяржаўны муж і правадыр народу // Беларуская Царква. Чыкага, 1965. № 28. С. 50 – 53.

[88] Беларускі нацыяналізм: Даведнік / Укладальнік П. Казак. Мн., 2001. С. 3 – 4.

[89] Гісторыя Беларусі… С. 200 – 201, 208 – 212.

[90] *Егорычев В.Е.* Звонкая песня Громады // Заходні рэгіен Беларусі вочыма гісторыкаў і краязнаўцаў: Зб. навук. артыкулаў. Гродна, 2006. С. 165 – 168.

на то что эта организация прекратила свое существование довольно быстро, ее идеи дали свои всходы. Например, в годы немецкой оккупации Белоруссии ее члены попытаются организовать альтернативное коммунистам партизанское движение[91].

Наконец, третье течение, очень небольшое и невлиятельное, составляли так называемые **полонофилы**, которые пытались разрешить белорусский вопрос, сотрудничая с польскими властями. Однако оно не было таким влиятельным, как первые два. Самым значительным представителем этого течения стал Р. Островский. В январе 1927 года он был арестован и обвинен по делу Громады. В тюрьме этот деятель изменил свои политические взгляды и стал активным организатором и пропагандистом сотрудничества с польскими властями. Однако основная масса белорусского населения ни ему, ни его сторонникам не доверяла. И тому были все основания. Как вспоминал один из белорусских националистов Я. Малецкий, «польское правительство цинично пророчило, что через 50 лет на территории Польской республики не будет и следа белорусов»[92]

[91] BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, Bl. 146rs.

[92] *Малецкі Я.* Пад знакам Пагоні. Таронта, 1976. С. 27.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.